

A man and a woman are standing in a strawberry field at sunset. The man, on the left, has a beard and is wearing a brown leather jacket over a blue plaid shirt. The woman, on the right, has blonde wavy hair and is wearing a green jacket over a light-colored button-down shirt. They are both holding a large woven basket filled with ripe red strawberries. In the background, there are several large greenhouses, a green tractor, and a body of water under a dramatic sky with the sun setting on the horizon.

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

МУЖИК. НАШ УРОЖАЙ НЕ ОТДАМ

**Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова**

Мужик. Наш урожай не отдам

<https://litres.ru/74554244>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — городская бизнес-леди, привыкшая добиваться своего. Он — суровый фермер, для которого урожай — смысл жизни. Когда на Кубань обрушивается ураган, а чиновники объявляют войну, Снежана и Артем вынуждены объединиться. Вместе они спасают уникальный сорт земляники, борются с коррупцией и стихией. Но главное сражение — за любовь. Смогут ли два сильных характера устоять? Роман о страсти, предательстве и победе, которая начинается с одной ягоды.

Содержание

Глава 1. Смерч у ворот	5
Глава 2. Битва за тепло	15
Глава 3. Рубашка хозяина	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Виктория Шнайдер

Мужик. Наш

урожай не отдам

Мужик. Наш урожай не отдам

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1. Смерч у ворот

Я заглушила мотор кроссовера перед высокой аркой питомника «Березинские теплицы». Машину покачивало на подвеске: порывы ветра били в борт с тяжелым глухим гулом. Я потянулась к дверце: теплый салон всего на минуту отсрочил бы разговор, ради которого я приехала. В Краснодаре горел кассовый разрыв в четыре миллиона рублей. Пятнадцать супермаркетов «Ягодного рая» ждали первый сбор земляники к майским праздникам, а единственный поставщик, способный дать объем без перекупщиков, находился здесь.

Свинцовое небо над станицей Степной опустилось так низко, что цепляло верхушки тополей. Было без двадцати семь вечера, но сумерки сгустились до печной черноты. Воздух пах озоном, дорожной пылью и сухой горечью придорожной полыни — из степи на пойму Кубани надвигался свирепый шквал.

Поправив воротник кремового кашемирового пальто, я прижала к груди кожаную папку с банковскими безотзывными аккредитивами и толкнула дверцу.

Это было ошибкой.

Бешеный шквал под тридцать метров в секунду рванул дверь наружу и тут же с грохотом захлопнул обратно, прищемив край моего кашемира. Нога в тонкой бежевой туфле

соскользнула с влажного порошка. Раздался сухой хруст ломающегося каблука.

Боль прострелила лодыжку, и я рухнула коленями на острый гравий.

Каменная крошка распорол тонкий капрон чулок, впиваясь в кожу. Ветер выдувал воздух из легких, а папку вырывало из пальцев. Зашипев от боли, я с силой дернула застрявшую ткань, сбросила вторую туфлю и отшвырнула ее прочь. Каблуки в этой буре были смертным приговором.

Прижав документы к животу обеими руками, я согнулась пополам и на четвереньках, сдирая ладони о ледяную щебенку, поползла вперед вдоль бетонного цоколя склада. Серая пыль хрустела на зубах, превращая дорогое пальто в ветошь. Но документы были целы.

Впереди темнел широкий свес кровли хозблока, под которым угадывалась железная дверь мастерской. Туда вела узкая бетонная дорожка над глубокой дренажной канавой.

Я оперлась о стену, пытаюсь встать на босые ноги. Но стоило сделать шаг, как над головой раздался страшный визг рвущегося металла.

Штормовой фронт сорвал ветровую планку. Шестиметровый лист монолитного поликарбоната вместе с оторванным стальным швеллером задрало кверху, как парус. Анкерные болты с хлопками выстрелили из кирпича, и тяжелая машина с воем сорвалась вниз, летя ребром прямо на меня.

Я застыла, беспомощно вскинув руки перед глазами.

В этот миг распахнутая створка склада с грохотом удари-
лась о стену.

Из проема метнулся рослый, широкоплечий мужчина в
брезентовой штормовке. Преодолев разделявшие нас десять
метров в два прыжка, он влетел в меня на полной скорости,
сбив с дорожки.

Мы покатались по откосу в дренажную канаву. Мокрая
осока обожгла лицо, из легких вышибло дух. Мужчина рух-
нул сверху, накрыв меня всем своим тяжелым телом, вжав в
сырую землю и заслонив широкой спиной.

Швеллер, подхваченный вихрем, несясь точно туда, где ле-
жали мои плечи.

Мужчина остался надо мной, заслоняя меня от летящего
железа. Он приподнялся на одном локте, а левым предпле-
чем оттолкнул меня ниже по откосу, подальше от падающе-
го края.

Швеллер ударил в край канавы и, скользя по его рукаву,
ушел в глину.

На разорванном рукаве выступила кровь. Железо торчало
из глины совсем рядом с моей головой.

Я замерла. Лицо мужчины было прямо перед моими гла-
зами — жесткое, обветренное, с тяжелой квадратной челю-
стью и ледяными серыми глазами, суженными от боли. На
испачканный кашемир моего пальто упала тяжелая горячая
капля. Затем вторая. Кровь стекала по предплечью; он стис-
нул зубы и смотрел поверх моей головы, высматривая следу-

ющий обломок.

— Пусти! Ты ранен! — закричала я, срывая голос, и уперлась ладонями в его грудь. Мои пальцы пачкались в чужой горячей крови.

Это был Артем Березин — я узнала его по фотографии на сайте питомника. Он перехватил оба моих запястья одной правой рукой, сомкнув пальцы, как кованые тиски:

— Лежи, городская! Не дергайся, сейчас второй лист пойдет!

Его горячее дыхание пахло крепким табаком. Он прижал меня к земле, и в ту же секунду над нами с оглушительным треском пронесся оторванный кусок шифера. Он врезался в бетон в том месте, где секунду назад были мои колени, осыпав нас острыми осколками.

Если бы я дернулась — обломки срезали бы мне шею. Я замерла под его тяжестью, ощущая, как внутри затихает вся моя спесь, уступая место безоговорочному доверию этой спасительной силе.

Ветер на миг закрутило, создав короткое затишье.

— Жива? — коротко бросил Березин.

— Жива, — выдохнула я.

Я попыталась опереться на подвернутую ногу, но лодыжка отозвалась жгучей болью.

Березин подхватил меня, пока я пыталась встать. Он подставил мне правое плечо, помог подняться, сунул мне под мышку кожаную папку и повел к зданию.

Мы добрались до мастерской. Он ногой захлопнул бронированную дверь и задвинул тяжелый засов. Шум урагана превратился в глухой рокот за метровыми стенами.

В помещении пахло сухим чабрецом, разогретым машинным маслом и соляжкой. Артем усадил меня на массивный дощатый верстак и разрезал разодранный рукав ножницами из аптечки. Рана на предплечье была глубокой, края сочились кровью.

Я сидела в разорванных чулках, босая, перемазанная грязью, прижимая папку, и во все глаза смотрела на хозяина питомника. Этот человек только что отдал за меня свою кровь.

Пока Артем возился с повязкой, за дверью все еще грохотало железо. На часах было семь вечера. В углу мастерской монотонно гудела буржуйка.

Я попыталась снять шелковый платок, чтобы перевязать рану, но Артем молча отстранил меня. Он прижал к порезу стерильную салфетку; я помогла закрепить тугую повязку, и он подошел к столу.

В дверь застучали. Артем отодвинул засов, и в мастерскую влетел пожилой сутулый мужчина в промасленной куртке — дядя Степан, старший механик.

— Артем! — закричал он, срывая голос. — На первом модуле стальной трос лопнул! Торцевой купол парусит, ветром несущую арку выгибает наружу! Еще десять минут такого шквала — и стометровое полотно сдует! Вся цветущая элита вымерзнет до полуночи!

В блоке №1 находился цветущий «Кубанский рубин» — уникальный ремонтантный сорт ранней земляники, в который Березин вложил восемь лет жизни. Если мороз убьет цветы, сеть «Ягодный рай» обанкротится, а хозяйство Артема пойдет с молотка.

— Парни где? — рявкнул Березин.

— Отрезаны на дальнем гидроузле! Там дамбу размыло, река поднялась, на уазике не пройти! Мы вдвоем остались!

Артем обернулся ко мне:

— Сиди здесь. Степан, бери тросовый захват и кувалду!

Он бросил на верстак пару брезентовых рукавиц и запасные кирзовые сапоги сорокового размера.

— Я иду с вами, — твердо сказала я, вставая на здоровую ногу.

— Куда ты попрешься, городская?

— Я за этим урожаем четыре часа по трассе гнала! Если купол сорвет, мне некуда возвращаться! Одному тебе растяжку не удержать, а Степану еще натяжитель фиксировать!

Я натянула из сундука толстые шерстяные носки грубой вязки и сунула ноги в тяжелые кирзачи. Они были велики на четыре размера; я заполнила свободное место сухой ветошью и осторожно поставила больную ногу на пол. Натянув верхонки, я шагнула к выходу.

Березин окинул меня долгим взглядом — мое испорченное пальто, решительный подбородок, огромные сапоги. В его серых глазах мелькнуло уважение.

— Держись за мой ремень, — бросил он.

Мы шагнули в шторм. Ледяной ливень хлестал горизонтально, двор превратился в бурлящую чачу. Я намертво вцепилась обеими руками в толстый кожаный ремень Артема, и мы двинулись вперед единой связкой, рассекая ветер, как ледокол.

Торцевой шлюз первого блока встретил нас оглушительным скрежетом.

Шестиметровая арочная конструкция из оцинкованной стали и поликарбоната гудела под напором ветра. Сорванный направляющий рельс вырвало из нижних гнезд. Стальная балка ходила ходуном, хлеща по стойкам, как гигантский бич. Еще пара ударов — и полотно вырвет с корнем.

— Рельс бьет! — проорал Березин. — Нужно накинуть трос на коньковый крюк, а балку прижать к опорной пятке!

Он схватил бухту каната и бросился по ступенькам приставной алюминиевой вышки наверх. Степан побежал к распределительной лебедке. Я осталась у основания фермы одна.

Очередной порыв ветра накренил конструкцию. Оторванный рельс со скрежетом пошел вбок, край поликарбонатного листа треснул, выпуская наружу драгоценное тепло.

Заметив у фундамента дубовый брус сто на сто миллиметров, я бросилась вперед и рухнула на колени прямо под вибрирующую балку. Сжав зубы, я подсунула брус под оторванный край рельса, уперла его в бетонную пятку и всем телом

навалилась на рычаг.

Железная балка с размаху ударила в дерево. Отдача ото-звалась во всех костях, содрав кожу на плече, но брус встал в распор. Я обхватила его обеими руками в брезентовых рукавицах, уперлась кирзачами в размякшую глину и держала многопудовую махину, не давая металлу скрутить несущую арку.

Сверху донесся крик Артема: он заметил меня под балкой.

На коньке вышка под весом Артема опасно накренилась, начав заваливаться на стальные штыри ограждения.

Березин перегнулся через перекладину, намертво захлестнул петлю каната за коньковый крюк и, теряя равновесие, спрыгнул вниз с нижней перекладины в жидкую грязь.

Он опустился на колено прямо за моей спиной.

Его громадные горячие ладони легли на мои руки поверх дубового бруса. Мужское тело вжалось в мою спину, принимая на себя всю чудовищную отдачу.

— Держу! — выдохнул он мне в затылок. — Я держу, Снежана!

Вся тяжесть ушла на его плечи. Нас окатило фонтаном ледяных брызг, но брус замер как влитой. Стальной канат загудел струной.

Из-за угла вынырнул дядя Степан с двенадцатикилограммовой кувалдой и анкерным пальцем.

— Проушину забило! — кричал старик. — Трос не садит-

ся в замок!

Березин держал брус; стоило ослабить нажим, и балка снова была по опоре.

— Я сделаю! — крикнула я.

Я упала животом на ледяной грунт и полезла пальцами в глину под анкерной плитой. Холод сводил руки, но я нащупала стальное кольцо натянутого каната.

— Степан, палец!

Схватив закаленный штырь, я вбила его в совмещенные отверстия проушины и повернулась к старику:

— Бей, Степан! Со всей дури!

Обух кувалды с медным звоном опустился на торец пальца. Раз, другой! Штырь вошел до упора, сработал стопорный замок.

Трос натянулся, выбирая слабинку. Рельс встал на посадочное место. Вибрация прекратилась, и шестиметровый купол замер, натянутый, как тугий барабан. Ветер бессильно скользил по гладкой дуге спасенной теплицы.

Артем медленно поднял меня на ноги. Его лицо было в десяти сантиметрах от моего. Струи ливня смывали грязь с его щек. Он посмотрел на мои перепачканные волосы, потом поймал мой взгляд.

В его серых глазах вспыхнуло глубокое, ошеломленное уважение.

— Гектар элиты, — глухо сказал он. — Ты только что спасла мне весь первый сбор, Снежана.

Я потянула его к шлюзу: сейчас мы увидим, что сберегли.

Глава 2. Битва за тепло

Закрепив натяжитель, мы пошли проверять посадки. Мы вошли через шлюз внутрь первого тепличного модуля.

После ледяного ада снаружи здесь царила тропическая тишина. Термометр показывал плюс восемнадцать. В воздухе стоял сладкий аромат — сотни тысяч белых земляничных цветов с желтыми сердцевинами сплошным ковром устилали подвесные стеллажи. Мерно гудели циркуляционные насосы, прогоняя горячую воду по регистрам.

Земляника была цела. Контракт был жив.

Я успела перевести дух — и свет мигнул.

Сухой щелчок прорезал тишину. Сверху один за другим погасли ряды фитоламп. В ту же секунду смолк гул насосов. Наступила мертвая тишина, нарушаемая лишь ударами шквала о поликарбонат.

— ЛЭП легла! — крикнул Степан. — Тополь на трассе оборвал высоковольтку!

— Сколько у нас времени? — быстро спросила я.

— Без циркуляции купол остынет за двадцать минут, — ответил Артем. Лицо его снова стало каменным. — Еще через десять температура упадет до нуля. Цветы перемерзнут.

— Резервный дизель есть?

— В котельной. Бегом!

Мы рванули в машинное отделение.

В центре зала на чугунном фундаменте возвышался старый дизель-генератор с ручным пусковым устройством.

Артем подскочил к распределительному щиту и вдавил кнопку стартера. В ответ донеслось лишь сухое стрекотание реле.

— Аккумуляторы сдохли! — крикнул Степан, распахивая панель. — Коробку залило конденсатом, короткое замыкание!

— Вручную, — скомандовал Березин.

Он сорвал со стены полутораметровый кованый кривой стартер. Провернуть дизель одной рукоятью было тяжело: при каждом такте сжатия рукоять вставала колом.

— Компрессия не даст! — хрипел механик. — Надо открывать декомпрессор на головке!

Артем вставил стартер в храповик коленвала.

— Степан, лезь на блок, держи декомпрессор!

Старик попытался взобраться на раму, но поскользнулся на масле и со стоном осел на пол, держась за сведенную судорогой ногу.

Рычаг декомпрессора находился на высоте двух метров — на клапанной крышке. Без него провернуть вал было невозможно, а Артем не мог крутить стартер внизу и одновременно жать рычаг наверху.

— Я поднимусь! — крикнула я.

Вцепившись в чугунные ребра блока, я поставила кирзовый сапог на фланец картера и рывком вскинула тело на ста-

нину.

Забыв про изодранное пальто, я ухватилась за полированный стальной рычаг обеими руками.

— Жми до упора и держи, пока не крикну! — крикнул Артем.

Я рванула рычаг на себя. Пружины клапанов с треском просели, приоткрывая выпускные окна.

— Есть декомпрессия! Крути!

Березин согнул широкую спину и рванул рукоять стартера.

Чугунный маховик со стоном стронулся с места. Оборот, второй, третий! Мышцы на шее и плечах Артема вздулись узлами, пот градом катил по лицу. Дизель задышал, воздух со свистом вырывался через клапаны.

Но с набором оборотов двигатель заходил ходуном на резиновых подушках. Вибрация передалась на рычаг с такой силой, что металл начал выламывать мне суставы. Стальная защелка пробила рукавицу, содрав кожу на ладони.

Боль обожгла руку. Если я отпущу рычаг раньше времени, компрессия встретит поршни на малом ходу, и обратный удар стартера переломает Березину кости.

— Держи! — хрипел он снизу, вкладывая последние силы в разгон.

— Держу! — закричала я.

Я намертво уперлась коленом в трубу водяного контура, намотала полу пальто на рычаг и повисла на нем всем весом.

Маховик загудел.

— Сброс! — крикнул Березин.

По его команде я отпустила рычаг; пружина вернула его на место.

Клапаны с лязгом захлопнулись. Солярка брызнула в камеры сгорания.

Грохот первого воспламенения прозвучал пушечным выстрелом. Из выхлопной трубы вырвался сизый дым. Дизель с оглушительным, победным ревом вышел на устойчивые полторы тысячи оборотов.

Артем отскочил от освободившейся пусковой рукояти и метнулся к щитовой. Стрелка вольтметра рвалась к четыремстам двадцати вольтам. Резким движением реостата он осадил напряжение на стабильные триста восемьдесят и вогнал трехфазный рубильник.

Контакты гулко щелкнули.

Под потолком и во всех коридорах вспыхнул белый свет. С мощным шипением запустились насосы. Трубы теплотрассы вздрогнули, отдаваясь глухим гулом хлынувшего кипятка. Тепло пошло.

Артем подошел ко мне. Меня колотила запоздавшая дрожь от пережитого напряжения и мокрой одежды.

Березин взял с крючка сухое вафельное полотенце и очень осторожно, боясь причинить боль огрубевшими пальцами, стер полосу мазута с моей щеки. Его теплая ладонь на мгновение задержалась на моей скуле.

Затем он протянул мне свою руку в свежих ссадинах:

— Ну здравствуй, Снежана. Партнер. Без тебя я бы сегодня положил все, что строил восемь лет. Пойдем в дом, тебе надо согреться.

Я вложила свою маленькую испачканную ладонь в его ладонь, и его пальцы надежно сомкнулись.

Я уже повернулась к выходу, когда затрещала рация. В этот миг на стене операторской ожила старая радиостанция «Моторола».

Сквозь помехи из динамика донесся отчаянный девичий плач:

— База! Артем Николаевич!

Березин сорвал тангенту:

— На связи! Алена, что у вас?!

— Мы в четвертом рассадном заперты! — кричала бригадир черенковки. — Каркас шлюза повело, створку перекосило, дверь заклинило намертво! Сверху сорвало фрамужный люк! Ливень хлещет прямо на стеллажи! Вода смывает каскеты с маточником «Кубанского рубина», корни оголяются! Еще четверть часа — потеряем рассадку! Помогите!

Лицо Березина потемнело. В четвертом рассаднике хранился золотой селекционный фонд хозяйства — маточный материал на три года вперед. Потерять его значило поставить крест на всем питомнике.

Артем рванулся к выходу, но за его спиной тревожно зазвенел зуммер аварийного сброса котла.

Стрелка манометра ползла в красную зону к семи атмосферам. После отключения насосов в паровом узле застрял регулятор давления.

— Давление растет! — крикнул Степан. — Артем, если клапан не стравить, магистраль разорвет к чертям!

Березин замер. Бросить котел он не мог — взрыв уничтожит отопление всего комплекса. А в рассаднике девушки оставались в ловушке под разбитой крышей.

Я шагнула вперед и забрала рацию из его руки:

— Держи котел, Артем. К девчонкам пойду я.

Он посмотрел на меня с мучительным сомнением:

— Снежана, низину затопило...

— Держи пар! — отрезала я. — Степан, рулон пленки, живо!

Мы со стариком подхватили тридцатикилограммовый рулон армированного полиэтилена и выскочили в темноту. Дорожку к рассаднику залило полуметровым слоем ледяной воды из переполненной канавы. Вода хлынула через края моих сапог, обжигая ступни, но мы упрямо пробивались вперед, волоча тяжелый рулон сквозь мутный поток.

Сквозь мутные потоки ливня и косые струи воды я видела освещенное окно котельной: темный силуэт Артема навалился всем весом на вибрирующий штурвал аварийного сброса пара. Белый пар заслонял окно, и я ускорила шаг: пока Артем стоял у сброса, мы должны были добраться до девчат.

Он доверил мне жизнь своих людей и будущее своего хозяйства. И я знала, что вытащу девочек любой ценой.

У торца четвертого рассадника вода хлестала с крыши сплошной стеной.

Массивная откатная дверь шлюза застыла с перекосом. верхняя балка просела, створку перекосило. Изнутри в железо отчаянно колотили кулаками.

Дядя Степан вогнал лом в притвор, навалился всем телом, но стальной уголок лишь гнулся.

— Бесполезно! Коробку смяло! Только автогеном резать!

— Посвети вниз! — крикнула я.

Я опустилась на колени и сунула руку под нижнюю кромку двери. В мутной воде пальцы нащупали дерево под роликом. Под направляющую затянуло тяжелый березовый клин-подпорку, сорванный со стены. Дерево разбухло от влаги и заблокировало колесо.

— Лопату! — крикнула я.

Схватив малую саперную лопатку Степана, я вбила стальное жало под разбухший клин, уперла черенок в бетонный порог и со всей силы прыгнула на рычаг каблуком сапога.

Сухой треск расколотого дерева потонул в реве бури. Клин со свистом вылетел наружу.

Освобожденный ролик щелкнул. Степан снова налег на лом, и тяжелая дверь с грохотом отъехала по рельсу!

Внутри рассадника стоял крик. Через двухметровый пролом в коньке ливень хлестал прямо на стеллажи, смывая пи-

тательный субстрат из торфяных кассет. В углу плакали две юные работницы, а в центре металась крепкая девушка с толстой русой косой — бригадир Алена.

— Хватит реветь! — крикнула я с порога так, что все замерли. — Пленку сюда!

Мы со Степаном втащили рулон. Я полоснула ножом по упаковке и скомандовала Алене:

— Держи край! Натягиваем над стеллажами!

Впятером мы в считанные минуты раскатали тридцатиметровое армированное полотно под потолочными фермами, создав наклонный шатер над всеми рядами. Я взлетела по приставной лесенке и намертво прикрутила края проволокой к стойкам.

Вода с крыши забарабанила по натянутому полиэтилену и ровным потоком хлынула по скату в дренажный желоб.

Десять тысяч кустов суперэлиты замерли под надежной защитой. Селекционный фонд хозяйства был спасен полностью.

Я спустилась на пол, тяжело дыша. Пальто висело лохмотьями, руки саднили, сапоги хлюпали от ледяной жижи.

Алена медленно подошла ко мне. Ее карие глаза были полны слез. Она посмотрела на спасенную рассаду, на мои перемазанные руки, на мокрое, чужое лицо.

И вдруг с коротким всхлипом она со всего размаху бросилась мне на шею, стиснув в горячих объятиях:

— Господи! Да ты ж наша кубанская девка! А мы дума-

ли — городская фифа на шпильках нос задирать явилась! А ты нас из капкана вырвала, ягоду сберегла! Любо, сестренка! Слышишь?! Любо! Теперь за тебя весь питомник горой стоять будет!

Я опустила голову ей на плечо и слабо улыбнулась.

Когда девчат вывели из рассадника, мы пошли обратно к котельной.

К полуночи шторм ушел на восток, сменившись шелестящим дождем.

Мы возвращались к конторе по отступающей воде. В окнах усадьбы Артема за садом уютно светились теплые желтые огни.

На крыльце котельной нас ждал Березин. Он уже перевязал предплечье чистым бинтом, сменил рубашку и держал в руках тяжелую овчинную куртку, пахнущую полынью, хвоей и хорошим табаком.

Когда я подошла, он шагнул навстречу и бережно опустил сухую теплую овчину мне на продрогшие плечи. Тяжелое тепло мгновенно окутало тело, отсекая ночной холод.

Его пальцы на секунду коснулись моего подбородка, заставляя поднять глаза.

— Пошли в дом, Снежана, — негромко сказал он. — У меня печь протоплена. Тебе нужно согреться.

В его доме мне предстояло остаться на ночь.

Глава 3. Рубашка хозяина

До усадьбы я добрела, опираясь на Артема. Около полуночи мы переступили порог двухэтажной бревенчатой усадьбы Артема. За тяжелой дубовой дверью остался сырой мрак весенней ночи и затихающий гул шторма, сменившегося шелестящим дождем. В просторных сенях пахло сухим кедром, сосновой смолой и медовым воском — густой, основательный дух старого казачьего гнезда, где всё строилось на века. Я сняла овчину, сбросила под ней истерзанное пальто, повесила обе вещи на кованые крюки у входа и оперлась о массивный бревенчатый косяк, оставаясь в мокром, облепившем тело шелковом платье. Нужно было стянуть с левой ноги чужой кирзовый сапог. Намокшая толстая кожа намертво обжала распухшую щиколотку. Голенище сдавливало ступню при каждом рывке. Пальцы сводило судорогой от ледяной сырости, здоровая нога скользила по влажным доскам. Я закусила губу до крови, дернула сапог обеими руками, нога предательски подломилась; я качнулась к дощатому настилу, но Артем подхватил меня за талию.

— Я сама... — пробормотала я, упрямо упираясь ладонями в его широкую грудь. — Слышишь, Березин? Я сама справлюсь, не нужно со мной как с хрустальной!

Артем устало вздохнул. Он подставил мне здоровое плечо и помог доковылять через полутемные сени в просторную

горницу, залитую оранжевым жаром открытого печного зева.

Он усадил меня на широкую дубовую лавку у самой печи и опустился на колени прямо передо мной на дощатый пол.

— Сиди тихо и не дергайся, — негромко, без тени раздражения сказал он.

Его огромные ладони, шершавые от работы и покрытые свежими ссадинами, обхватили каблук сапога. Одним плавным, точным движением он стянул с меня жесткую кирзу, сдернул промокший шерстяной носок и взял мою ледяную босую ступню в свои широкие, обжигаяще горячие руки. Достав из печурки сухое вафельное полотенце, Артем промокнул онемевшие пальцы, обходя распухшую лодыжку, и подложил под ногу сложенный плед.

По моим жилам прокатилась горячая волна оживающего кровотока. В пальцах появилось покалывающее тепло; лодыжку по-прежнему тянуло. Я замерла, бережно устроив больную ногу, глядя сверху вниз на его склоненную голову, на густые темные волосы с ранней сединой на висках, на широкие плечи, заслонявшие меня от всего мира. Сердце глухо и сильно толкнулось в ребра. Он обошел ссадину на ступне краем полотенца, поправил плед — и мне захотелось остаться на этой лавке, под его заботой.

Мое кремовое шелковое платье промокло насквозь в затопленном дворе и теперь липло к телу ледяным компрессом. Я зябко повела плечами, внутренне сжимаясь от неиз-

бежного вопроса о сменной одежде и ожидая, что он сейчас вынесет какой-нибудь халат бывшей жены или станичной подруги.

Артем поднялся по скрипучей деревянной лестнице на мансарду и через пару минут вернулся. В его руках была широкая байковая рубашка в крупную синюю клетку и толстые вязанные носки из чистой овечьей шерсти.

— Женского тряпья в этом доме отродясь не водилось, Снежана, — сказал он, положив вещи на край лавки. — Я здесь один живу. Рубаха чистая, мятой и сухим деревом пахнет. Надевай, согреешься быстрее.

В груди сладко екнуло: он жил один — и сейчас отдавал мне собственную рубашку. Передо мной стоял сильный, немногословный и абсолютно честный человек.

За дощатой перегородкой умывальной зоны я стянула с себя осклизлый, испорченный глиной шелк. Умывшись теплой родниковой водой из тяжелого медного бака, я с мылом оттерла с лица копоть и потеки туши, промокнула кожу холщовым полотенцем и натянула рубашку Артема.

Мягкая фланель доставала мне почти до колен, а широкие рукава пришлось подвернуть трижды, обнажив тонкие запястья. От рубашки пахло мылом и сухим деревом. Я застегнула пуговицы под самое горло и натянула шерстяные носки. В этом простом одеянии я почувствовала себя защищенной и свободной; с удовольствием спрятала ладони в широкие рукава.

Я вышла на середину кухни неслышными шагами в одних шерстяных носках.

Артем в этот момент доставал из печи тяжелый чугунный горшок. Услышав шорох, он обернулся — и замер на месте. Кованый ухват застыл в его руках. Его серые глаза потемнели, скользнув по воротнику своей рубашки на мне, тонким щиколоткам и рассыпавшимся по плечам медовым прядям волос, которые начали высыхать и виться у печного жара.

Воздух между нами словно натянулся, как стальной трос. Он опустил ухват на край печи: в его глубоком, сосредоточенном взгляде полыхнуло открытое мужское восхищение, заставившее мое сердце забиться чаще.

Артем поставил чугунок на стол и придвинул мне стул. Массивный дубовый стол был застелен плотной домотканой льняной скатертью. На глиняные тарелки легла томленая баранина с разваристым картофелем, чесноком и зеленым луком. Пар над чугуном поднимался душистый, пряный, дразнящий.

— Артем, я на ночь столько не ем, — нерешительно протянула я, взглянув на щедрую порцию. — В городе мы привыкли к легким салатам...

— В поле калории не считают, — мягко, но непрекаемо отрезал он, придвигая ко мне тарелку и кладя рядом деревянную ложку. — Ты сегодня за троих мужиков выстояла. Ешь, пока не остыло.

Аромат розмарина, чеснока и топленого мяса мгновенно

сломал все мои диетические запреты. Баранина таяла во рту, распадаясь на волокна от одного прикосновения вилки. Через десять минут физическое истощение уступило место сытой, благословенной неге, разливающейся по всему телу.

Отодвинув пустую тарелку, Артем заварил в пузатом глиняном чайнике сушеный лист дикой земляники, чабрец и ягоды шиповника. Налив две большие кружки темно-янтарного настоя, он опустился на лавку напротив, глядя мне прямо в глаза:

— Бумаги подождут рассвета. Скажи мне начистоту, Снежана. Какого черта ты примчалась на ночь глядя в бурю на шпильках и полезла под падающую балку? У тебя что, мужика за спиной нет, который должен такие удары на себя принимать?

Вопрос ударил без промаха прямо в незажившую рану. Я опустила взгляд на горячую глиняную кружку, чувствуя, как внутри все переворачивается:

— Нет у меня мужика, Артем. Был... три недели назад.

Я встала и подошла к широкому темному окну. За стеклом во тьме сада светились дежурные фонари тепличного комплекса.

— Мы три года строили сеть «Ягодный рай» вместе с моим женихом, — заговорила я, борясь с подступающим к горлу комом. — Он отвечал за финансовые потоки и счета, я вела закупки, логистику и розницу. За неделю до открытия сезона он вывел со счетов все авансы наших ключевых постав-

щиков, переоформил договоры поставок на свою подставную фирму и улетел первым рейсом в Дубай. На мне остался висеть кассовый разрыв перед банком в четыре миллиона рублей. Если я не выставлю на прилавки первую отборную кубанскую землянику раньше конкурентов — через десять дней банк потребует долг и начнет взыскивать залог.

Артем дослушал до конца; я слышала, как глухо и тяжело ходит его дыхание.

Он молча поднялся, подошел к тяжелому резному секретеру в углу комнаты и достал синюю кожаную папку с тиснением краевого арбитражного суда. Раскрыв ее на столе, он постучал пальцем по титульному листу.

На первой же строчке значилась фамилия моего беглого жениха — Сабуров.

— Этот же столичный хлыщ три года назад прикатывал сюда с бандой наемных юристов, — жестко усмехнулся Березин, и желваки на его скулах окаменели. — Пытался рейдерским наездом отжать у меня авторский патент на «Кубанский рубин». Угрожал проверками, сыпал статьями, предлагал копейки за право эксклюзива. Я его прямо с этого крыльца пинком спустил в дренажную канаву. Мир тесен, Снежана. Теперь я точно знаю, кто ты и чего стоишь. А долги твои мы закроем. С первой же волны сбора.

В груди отлегло: теперь я понимала его злость на Сабурова. Мы оба держали оборону против одного и того же хищника.

Артем распахнул массивную дверь на крытую террасу. Весенний ливень стих, над темной поймой реки раскинулось бездонное небо, усыпанное крупными южными звездами. Воздух был напоен запахом цветущей черемухи, сырой земли и озона.

Он встал рядом со мной, опершись руками на перила. Его плечо касалось моего плеча. Я подвинулась к нему ближе. В этой теплой ночной тишине между нами родилось то несокрушимое доверие, которое не купишь ни за какие деньги.

Перед рассветом он постучал в дверь комнаты, где я задремала. В пять утра над станицей запели петухи. Туман над рекой начал таять, окрашиваясь в нежные золотисто-розовые тона восходящего солнца.

Мы вошли в шлюзовой тамбур первого тепличного модуля. Артем достал из шкафа два чистых белых халата и помог мне надеть один из них. Его пальцы на секунду задержались на моей шее, поправляя накрахмаленный воротник, и от этого мимолетного прикосновения горячая волна пробежала по спине. В воздухе пахло дезинфицирующим спиртом и влажным, насыщенным теплом просыпающихся растений.

Мы вышли на широкую центральную аллею блока №1. Циркуляционные насосы тихо шелестели, поливочные магистрали мерцали ровными зелеными индикаторами.

— Артем, ранние сорта почти всегда водянистые, — заметила я, озвучивая профессиональное опасение ритейлера. — При нехватке света ягода часто теряет сладость. Если она

не наберет сладости, покупатель в Краснодаре не станет платить за нее премиальную цену.

Березин лишь лукаво усмехнулся в бороду:

— Пойдем, городская Фома неверующая. Сама своими глазами посмотришь.

В секторе «А» он наклонился к приподнятым стеллажам и бережно раздвинул пышные изумрудные листья.

У меня перехватило дыхание от восторга.

Под зеленым пологом гроздьями висели десятки огромных, безупречно конических ягод глубокого рубинового оттенка. Они переливались в лучах утреннего солнца, словно граненые драгоценные камни. Алый глянец доходил до самого чашелистика.

Артем вынул из кармана тонкий секатор, срезал самую крупную ягоду величиной с куриное яйцо и поднес к моим губам:

— Руками не мни. Кусай, я держу за черенок.

Я надкусила упругую, бархатистую мякоть.

Сладость оказалась сокрушительной. Никакой водянистости! Мякоть взорвалась чистейшим земляничным концентратом с ярким мускатным и тонким ананасовым послевкусием. Она таяла на языке, сохраняя безупречную плотность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.